

РУССКИЙ КУРЬЕР

Николай ВОРОНЦОВ

Сколько наций

Ищете Зарубежье

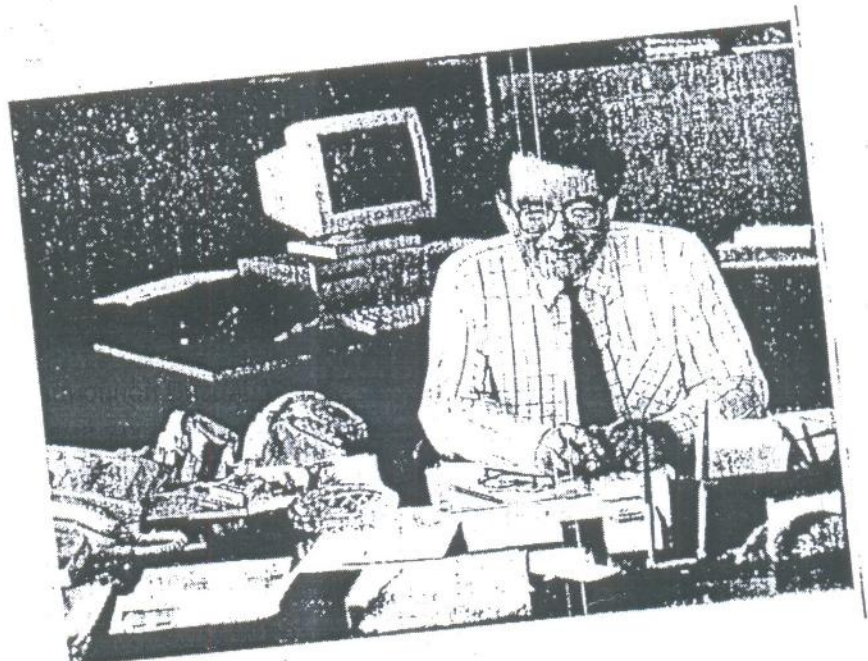
мы потеряли

После распада СССР

Этот материал был подготовлен незадолго до теперь уже исторического 19 августа. Этот и последующие за ним несколько дней изменили очень много реалий в нашей жизни. Рассыпался как карточный домик проект Союзного договора, ушел в отставку Кабинет Министров, практически прекратила свою деятельность КПСС.

Тем не менее мы считаем важным, оставив все как есть, познакомить читателей с точкой зрения теперь уже бывшего министра окружающей среды и природопользования СССР Николая Воронцова. Напомним, что он - единственный союзный министр, который с первого дня путча находился в Белом Доме.

Вопросы, поднимаемые им в материале, к сожалению, после всех наших последних революционных событий не только не потеряли своей актуальности, но, скорее всего, все более и более будут обостряться.

СОЮЗНЫЙ договор в том или ином виде будет подписан. Но я не думаю, что этот Союзный договор существует столько лет, сколько просуществовал Союзный договор 1922 года. Сегодняшний Союзный договор — это договор на некоторый переходный период...

Я хочу высказать мысли немодные, даже большие того — несвоевременные.

Национально-государственном устройстве. Царская Россия включала в себя, как известно, Царство Польское, Великое княжество Финляндское, ну, а все остальное было, что называется, «правом царя на татарское ханство». То есть в остальном была губернская структура.

Об этом сейчас не очень удобно говорить, потому что эта идея пропагандировалась и была ополчена во многих выступлениях Жиринovsky.

Многонациональная структура нашей страны складывалась веками. В последние 70 лет усилились миграционные потоки, но они не изменили принципиально многонациональную структуру страны. Русско-украинские поселения в предгорьях Тянь-Шаня, например, возникли еще задолго до революции. Русские и украинцы, будучи земледельцами, селились на землях, как правило, не освоенных казаками и киргизами, которые преимущественно были скотоводами. Здесь устойчивость экологической и социальной среды не нарушалась.

Варварское разрушение началось с денационально-государственного устройства, целиком принадлежавшей Сталину. Он был наркомом наций во времена Ленина. А затем стал неограниченным властелином. Он создал национально-государственную систему, исходя из своего понимания, что есть государство, что есть нация. Одни нации он миловал, другие наказывал, третьи выселял, четвертые лишал гражданских прав. А очень многие просто лишал права на существование. Если сравнить переписи конца 20-х годов и последнюю, у нас более чем на сотню уменьшилось число признаваемых юридически национальностей. Сталинская структура кнута и пряника была рассчитана на абсолютную монархию: не устраивает его руководитель той или иной республики — Центр немедленно спускает. Захочет он переделить границы — пожалуйста. И так далее. Продолжалось это и после Сталина. Мы помним относительно недавний жест Хрущева, когда Крым был подарен Украинской республике.

В основе этой сталинской системы была заложена идея, что права человека ниже прав коллектива. Соответственно права человека ниже прав наций, ниже права класса. А классы бывают господствующие, гегемоны, а бывают прослойки или попутчики. Точно так и нас разделили на великую

русскую нацию и прочие нации. Далее нации иерархически делились на имеющие права соборные и на имеющие права автономные, то есть устанавливалась четкая иерархия наций по праву. Соответственно с этим распределялись и льготы. Все нации, которым был передан статус союзных республик, довольно быстро (и в этом честь и хвала системе) получили республиканские академии. Нациям, имеющим статус автономных республик, в конечном счете было даровано право иметь университеты. Нациям, имеющим статус автономных областей, — педагогические институты, за исключением, пожалуй, Еврейской автономной области, которой и это право не было дано. Ну, а нации, имеющие статус автономных округов, выше техникума не рассчитывали.

Таким образом, люди одного государства имели совершенно разные права. Что же произошло у нас?

Утеряно огромное число наций. Я социалю, пожалуй, на один официальный источник. В «Известиях ЦК КПСС» был опубликован национальный состав нашей партии — русские, украинцы, белорусы, дальше было написано — прочие. Их набралось несколько тысяч. Читатели стали спрашивать: а кто такие прочие? — и была дана статистика «прочих». Это самый интересный документ. В партийных документах национальностей не меняется в отличие от переписи и смены паспортов. Оказалось, что в составе КПСС имеется 300 талышей, это жители Горного Талишана — страны на юге Азербайджана около Ленкорани. Этот этнос был потом утерян — их всех приписали к азербайджанцам. Значит, у нас имеется 300 коммунистов-талышей, но ни одного гражданина-талыша. И примеров таких много.

На сегодняшний день есть туркменский народ. Но в пределах этноса, который сейчас населяет равнинные, пустынные районы, оазисы, другие — горные районы Копетдага. Скажем, были номуды, были текипцы. У нас лошади ахалтекинцы остались, а людей текипцев нет. Приведу другой пример. На съезде Ассоциации малых народов, происходившей совсем недавно, выступали представители малого этноса — телеутов. Это сибирские монголоиды, коренные жители. Так вот, телеутов отказали в праве на существование, перечислили их из списка национальностей. Одного телеута записали русским, его соседа — татарин.

А к чему это ведет, в частности в экологическом плане? Если они записаны телеутов, то имеют право на образование какой-то этнической, культурной общины, культурной автономии, право на рациональное традиционное природопользование. Когда эта автономия утеряна, то и вопросов нет — их в любой момент можно согнать с места. Вот так у нас исчезли некоторые этнические группы.

Практика приписывания людей к другим этносам порой принимала чудовищные размеры. Можно вспомнить, как чуть ли не до 2 миллионов татар в пределах Башкирии насильственно записали башкирами, и это происходило всего лишь каких-нибудь 10 лет назад. Известно, что на территории Узбекистана во время переписи таджиков записывали как узбеков. И я не убежден, что аналогичные вещи не происходили на территории Таджикистана с узбеками.

Я не хочу задаваться вопросом, что такое нация, что такое этнос. Но почему у нас есть гутульская одежда, гутульские оркестры и гутулы не признаются за национальность? Все гутулы приписаны к украинцам. Мне это непонятно. Наверное, за это кроются какие-то политические интересы. Одно дело — считать, что у нас имеются западные украинцы и восточные, одни — православные, другие — униаты или греко-католики. Другое дело — признать, что украинцы — это в основном православные, а гутулы — католики.

Или возьмите другой пример. Огородясь жители Полесья на границе Украины и Белоруссии назывались поленуками. Их говор — это смесь украинского и белорусского. У них свой традиционный образ жизни. Очень многие поленуки были плотниками, занимались сплавом по рекам этого бассейна. Нет поленуков. Факция Полесья ослепла, причем очень распространяемая и среди украинцев, и среди белорусов, а этнической группы такой нет.

Между прочим, исчезли и этнические группы русского народа. Дело в том, что сама по себе занес в паспорт абсолютно бессмысленна и вообще не нужна. Но когда речь идет о переписи и т.д., наверное, надо спросить: кто такие русские кержаки, кто такие русские сибиряки. Русские сибиряки живут в Сибири порядка 350 лет, они уже образовали свой этнос, и существует некая граница в этнических традициях русского, живущего в тайге на протяжении 10-15 поколений, и только что приехавшего.

Как провозданы границы?

Были границы Хивинского ханства, Бухарского эмирата — они близки к природным. Все остальное — это генерал-губернаторства. Что же делает Сталин? Вот посмотрел он, например, на Ферганскую долину, которая издавна была заселена двумя оседлыми земледельческими народами Средней Азии — узбеками и таджиками, и решил, очевидно, что так не посправедливо, взял и перекроил границы, прирезав интернациональный город Ош к Киргизии. Потом началось насильственное переселение таджиков и узбеков из горных долин на хлопок в равнину. Но ведь те, кто жил в горных ущельях и лесах, вели свое местное, совершенно неистощительное природопользование. Теперь создали сверхзаселенную Ферганскую долину, с отстоящим друг от друга на 20-30 километров радиусами.

Человек не может жить нормально в условиях перенаселенности. Это не только проблема экологическая, но и политическая, опасная социальными взрывами.

Я не к тому, чтобы сегодня передевать сталинские границы. Но критике издревле были замечательными кочевниками-скотолодами. Они не занимались земледелием. Истоки тех страншх событий, которые произошли в Ошской области, лежат вот в таком произвольном сталинском членении.

Насколько Сталин был далек от всех этих национальных тонкостей, легко продемонстрировать на таком примере. В 20-е годы была выделена Киргизская АССР. Причем в границы тогдашней Киргизской АССР входили весь Казахстан и Киргизия. А потом Сталин объявил, что равнинное население — это казахи, а горное — киргизы. Известно сталинское отношение и к казахам. Земли казахства также были введены в пределы той же Киргизской АССР. Все это было бы еще полбеды. Я уж не говорю о его парварских активностях по выселению калмыков, немцев Поволжья, чеченцев, кабардинцев, крымских татар, турок-месхетинцев. Это все известно... Но что дальше происходит?

Сегодня мы признаем Декларацию прав человека, но тем не менее используем сталинскую модель, из которой следует, что право группы выше прав личности, право этноса выше прав личности. И на основе произвольных сталинских национально-территориальных делений, которые в значительной степени условны, мы пытаемся поставить чуть ли не пограничные столбы, заборы, ввезти таможену.

Очевидно, какое-то время должны существовать национально-территориальные подразделения страны, но в первую очередь они должны быть связаны с образовательной автономией, языковой, религиозной, и ни с чем другим.

Мне кажется, что право татарина на обучение своих детей на родном языке должно быть одинаковым как в Казани, так и в Москве. Другой вопрос, что в Казани татары имеют значительную плотность населения, и организация обучения на татарском языке не представляет собой такой экономической проблемы, как в Москве.

Здесь проблема организационная, транспортная, экономическая, но такая другая, потому что если есть в Москве группа татар, которая хочет учить детей на родном языке, чтобы они в школе знакомылись с исламской культурой наряду с общим обучением, то такие школы надо организовывать.

Сейчас ставится вопрос, чтобы, скажем, в Латвийском университете преподавание велось обязательно на латвийском языке. Я понимаю, насколько этот вопрос болезненный, потому что Латвия действительно подверглась очень значительной русификации. Но высшее образование должно готовить людей высшей квалификации, и лекции там должны читаться на том языке, на каком может читать лектор. Мне кажется, мы приходим к тому,

когда лекции у нас в университетах будут читаться на разных языках: английском, русском, латвийском, немецком... Мы должны к этому относиться, как к нормальному процессу, если хотим иметь цивилизованную страну.

Во многих случаях процессы сепаратизации связаны не столько с суверенизацией, сколько с тем, что мы медленно вводим демократию. И люди, отчаявшись в своем стремлении жить в общеевропейском доме, видят выход в быстрейшем отделении. Центр во многих случаях ассоциируется с ОМОНОМ и Невзоровым, что если бы мы быстрее двинулись к процессу демократизации, то многие наши республики по-прежнему бы вели свою национальную политику.

И еще. Мы привыкли жить в условиях однопартийности. Вспомните, какая паника была год назад в определенных кругах, когда избрали Ельцина, Попова, Собчака, дескать, как там управлять. А там еще избрали Ландсбергиса, Гамсахурдия, Снегура... Но это, совершенно нормальный процесс: приход к власти руководителей регионов с разными политическими взглядами вполне естественен для демократической страны. Нужно просто ориентироваться и управлять в новой политической ситуации. Возьмите, к примеру, Испанию, где в значительной степени существует каталонский сепаратизм. Стоит в Мадриде прийти социалистическому правительству, как в Каталонии приходит консервативное, и наоборот. Но вместе с тем мы знаем: ни отделение, ни раскол Каталонии не происходит, не образуется и «Великая Каталония» за счет объединения испанской и французской частей Каталонии. И совершенно естественно, что принадлежащее другой партии местное правительство Каталонии в пределах, четко очерченных Конституцией, несомненно выполняет те директивы, которые издаются центральным мадридским правительством. И никому в голову не придет их не исполнять. А что касается уже местной, каталонской, политики, то она ведется применительно к тем политическим силам, которые в данный момент там победил.

У нас же этот процесс идет по принципу: если победили, то отделяюсь. То же самое касается и Российской Федерации. Совершенно ясно, что те республики, которые активно ставят вопрос об отделении от России, это просто политические силы, которые не хотят тех реформ, которые декларирует Ельцин.

Вина или беда Центра?

Обычно у нас Центр обвиняют в невестестве. Но это не так — надо вести речь о человеке, уровне образования и общей культуре того, кто занимает трон в Центре, и об образовательном уровне его окружения.

Всем известна точка зрения Герберта Уэллса: если взять количество книг, написанных членами первого ленинского правительства, и количество языков, которые они знают, то никогда еще ни в одной стране мира не правило столь образованное

правление. Я тоже так долгое время считал. Но так ли это? Да, люди были в эмиграции, за исключением Сталина, действительно знали языки. Но подавляющее большинство книг, написанных ими, это слабые книги, дешевая публицистика. Это относится и ко многим трудам основоположника нашей страны, и к трудам неслаженно ренессансированного, но несомненно живого Ю. В. Бухарина, к трудам Троцкого. Это все дешевый поверхностный классовой подход. Если проанализировать первый состав ленинского правительства, то там не было, за исключением, может быть, Чичерина, или почти не было образованных людей. Практически все были студентами-недоучками, которые потом заканчивали экстерном. Это люди, для которых революционная борьба была главным делом жизни, а не изучение наук, культуры и т.д. Это были люди малоязычные, с низким уровнем образования для интеллигентов, а ведь большинство из них вышло все-таки из интеллигентных семей.

Да, там действительно были блестящие полемисты, трибуны, они могли выступать без бумажки. Это так. Но все это политические деятели с очень умеренным уровнем образования, хотя и с очень большим энтузиазмом. Постепенно их сменило поколение функционеров, выдвигенцев, среди которых несомненно были яркие личности, но людей с серьезным образованием не было. Сталин, конечно, умный человек с очень средним уровнем самообразования (окончил семинарию), но с прекрасной памятью. Он на заре своей политической юности в начале века написал работу «Анархизм или социализм?». К ней он почитал изложение трудов Дарвина и Ламарка, и тогда ламаркизм ему показался более симпатичным. А в 1948 году, будучи лидером страны, он привил доклад Лысенко «О положении в биологической науке», поскольку помнил, что писал сам 46 лет тому назад в области биологии, посчитал, что так они и есть на самом деле, и поддержал Лысенко. И Хрущев, безусловно, был яркой личностью, но с низким уровнем образования. Просто исключительный энтузиазм, как я говорил еще при его жизни — Санчо Панса на губернаторстве. Ну Брежнев... Сейчас у нас во главе Горбачев, человек, который имеет настоящее образование, — он кончал не заочную партшколу, а формально окончил юридический факультет Московского университета.

Я не представляю себе, чтобы в парламент другой страны могли избираться люди без образования.

Низкий образовательный уровень, низкий культурный уровень и парламента, и правительства — это одна из наших бед. К сожалению, мы это не можем осознать, потому что десятилетиями у нас воспитывался классовый подход: как известно, кухарка может управлять государством. Вот мы и дошли до такого уровня.

Возможно ли сейчас единое экологическое пространство?

К сожалению, Союзный договор никак не увязан, или почти никак, с экологическими проблемами. Всем стало ясно, что Союз представляет собой единое экономическое

понимать, что ждем в едином экологическом пространстве.

Сейчас в штыль суверенизации все объявили о своем праве на все ресурсы. Совершенно очевидно, что у каждого народа должны быть права на ресурсы, которые находятся на его территории. Но при этом никто не хочет говорить о федеральных правах на естественные ресурсы. В США, например, более 33 процентов ресурсов являются федеральными, и соответственно всякие изыскания на этих территориях ведутся федеральными правительством, за счет федерального бюджета. Почему я это говорю?

Приведу такой пример. У нас сейчас открыто богатейшее месторождение газа на границе Астраханской области и Казахстана, с очень большим количеством сероводорода, с высоким пластическим давлением. В научном плане мы вообще не готовы к освоению этого месторождения: не проведено достаточного количества исследований тектоники, сейсмических исследований и т.д. Если там будет выброс нефти и газа, то боюсь, что этот фонтан придется тушить атомным взрывом.

Экологической точки зрения, эта территория должна рассматриваться на основе союзного или межреспубликанского российско-казахстанского соглашения как единый бассейн, с едиными правилами разведки и эксплуатации. И исходя из максимальной безопасности надо решить, в каком месте выподить нефть и газ, чтобы не получить катастрофы, не по принципу где больше, а где безопасней. Далее. Поскольку это единая территория, надо договориться, сколько добываемого газа получит Казахстан, а сколько - Россия, в зависимости от того, на чьей территории будет производиться добыча.

Меня очень беспокоит судьба Каспия. Это единый бассейн. Примерно 90 процентов всех мировых запасов осетровых находится в Каспийском море. В Европе они практически исчезли, не осталось их в Дунае, в Неве. Осетровых можно ловить только в реках во время ледоста. Раньше крупные стада осетровых были в Волге, Урале, Куре и Тереке. Добыча их в море, где они нагуливаются, является браконьерством. Что же у нас произошло? Волгу перегородили каскадом гидроэлектростанций, началось резкое падение численности волжского стада. На Куре тоже поставили ГЭС. Стадо осетровых стало резко расти в Урале, который, по счастью, не сообразили перекрыть. Теперь возникает вопрос: как здесь быть? Западная часть Казахстана получает электроэнергию от Волжских ГЭС. По-моему, было бы разумно, если бы часть рыбных ресурсов являлась в какой-то мере компенсацией за это.

И еще. Сейчас ставится вопрос о том, чтобы каждой республике выделить экономическую зону или шельф Каспийского моря. Это будет конец каспийскому стаду осетровых. И как в таком случае быть Туркмении, река которой - Атрек — не доходит до Каспия?

есть: должна быть согласительная комиссия, которая определит: какую часть вылова из волжского или уральского стада осетровых получит Туркмения за то, что она охраняет и не допускает промысла осетровых в прилегающих к ней акваториях. Мы должны помнить, что природа единая, она не знает границ. Мы огромное внимание уделяем заключению межгосударственных соглашений по охране окружающей среды, и уж тем большее внимание должны уделить охране природы внутри страны.

Три года назад мы организовали систему органов охраны природы. Это очень хорошо. Но все сделано по чисто административному принципу: каждая область имеет свой комитет охраны природы, каждый район - свой. Это, очевидно, нужно, но у нас нет бассейновых и крупных региональных объединений. Нет, например, единого подразделения, ответственного за весь Волжский бассейн.

Конечно, на первых порах будет хуже. Почему? Мир вошел в экологический кризис в 40-50 годах. В 60-х годах началось интенсивнейшее зеленое движение, а в конце 60-х - начале 70-х во всех странах были созданы министерства охраны природы. У них всегда была рыночная экономика, была и серия законов актов, сложная система налогов, инспекций и т.д. Но все это не спасло от экологического кризиса. Потребовалось создание новых законов и новых огромных инвестиций в охрану природы. Я хотел бы подчеркнуть еще такую вещь: мои коллеги - министры охраны окружающей среды из разных стран, из Швеции, ФРГ многократно предупреждали, чтобы мы не спархандились из одной крайности в другую. У нас ведь была суперцентрализованная система.

С приватизацией должен работать и природоохранительный закон. Здесь мы тоже очень отстаем, хотя и подготовлен пакет законов по охране природы: Закон о земельных ресурсах, Основы лесного законодательства, Законодательства СССР по охране природы, Основы законодательства по особо охраняемым территориям и т.д.

И это только самое начало. Возьмем, например, такой вопрос, как передача земли в собственность. Конечно, землю нужно раздать. Но как это сейчас делается? Совет Министров России в последние годы выпустил постановление, в котором перевел открытые «малоценные» леса первой группы» под землевладельческие участки. Когда мы узнали об этом, мы ужаснулись. По определению, леса первой группы - это водоохраные леса, то есть, наоборот, особо ценные. Малоценных лесов первой группы не бывает. И пока мы это исправляли, уже в ряде районов Московской области и в других местах успели порубить леса первой группы. Российские природоохранники прозвали этот проект.

Дальше. Все это накладывается на жадность местных органов. Причем жадность эта опять-таки от необразованности: если дачнику, то обязательно дать ему поухже, и дадут ему неудобье. В ряде случаев это болото. А верхние болота - это

болота, в Одинцовском районе около Никольной горы, где раздали болотные участки с истоками малых речек по левому берегу Москвы-реки. А ведь это та Москва-река, которая еще чистая. Мы забываем простую истину - скупой платит дважды.

Что давать?

Если хотят люди заниматься садоводством, то, конечно, в первую очередь надо давать им землю. Ведь на наших огородах производится больше сельхозпродукции. Второе. Я считал бы правильным наряду с садовыми товариществами организовать лесные. Есть люди, которые хотят иметь дачу не для ведения сельхозработ, а просто чтобы жить в лесу. Можно с помощью соответствующих лесных органов жестко контролировать посадку и вырубку деревьев на их участках. Затем, мне кажется, что выделение шести соток, как у нас принято, а сейчас, слава богу, разрешено до 15, это вещь антиэкологичная. На таком участке расположился домок на куриных ножках, гараж и все. Уже не осталось земли, которая может продуцировать кислород. Должен быть нормальный размер участка. Другое дело, что он должен стоить денег. Если человек хочет иметь участок для того, чтобы там охранять природу, иметь лес, и готов за это заплатить - это, считаю, пошло бы только на пользу обществу.

Меня очень огорчило, что стараниями областного начальства не прошел предложенный на референдуме вопрос об объединении Москвы и Московской области. Это принципиальнейший вопрос для решения экологических проблем такого мегалополиса, каким является Москва и ее область. Это нужно не столько москвичам, сколько жителям области. Потому что земли Московской области за последние десятилетия разрабатываются, на ней ведутся варварские по своему градостроительному облику застройки панельными панельными домами, больше напоминающими виллами, клетками-крысятники, нежелю живища. Это совершенно дикая вещь. Область прямо на глазах теряет свой зеленый облик.

Должны быть быстрее приняты все экологические законы, согласно которым будут внедрены абсолютно жесткие экономические и правовые системы: плата. Сейчас во многих районах введена плата за воду, плата за выбросы и т.д. Уже идут письма, дескать, ввели плату, а мы еще не готовы, разрешите, в порядке исключения, волевым путем отсрочить до, скажем, 1995 года. Но как это может быть? Если это экономический регуляционный механизм, то как можно его отсрочить до какого-то года.

Если мы сейчас примем закон об охране природы, во-первых, у каждого гражданина и группы граждан появится право подать в суд за нанесенный экологический ущерб.

Как связаны проблемы экологии со складывающейся многопартийностью?

Признаться, я что-то не встречал, или почти не встречал, чтобы в программных документах новых движений и партий, за исключением, конечно, партии «зеленых», хоть какое-то внимание

уделялось экологии. Это огромный политический проигрыш всех политических партий. Меня поразило, когда летом прошлого года вместе с нынешним премьер-министром Норвегии Гро Харлем Брундтланд мы были приглашены на съезд правившей тогда финской социал-демократической партии. Один день этого съезда был полностью посвящен проблемам экологии. Это было чисто политическое действие: социал-демократическая партия показала своему народу, что проблемы экологии являются важнейшим составным элементом ее политики. Примерно в то же самое время у нас происходил наш партийный съезд. Полное отсутствие какого бы то ни было интереса к экологическим проблемам. Полное непонимание их политического значения. В нашей стране экология используется в экспортном варианте - она является важнейшим элементом советской внешней политики. Здесь надо отдать должное и министерству иностранных дел, и президенту.

Меня поражает, что у нас никак не могут понять: экология является важнейшим элементом национальной безопасности. До сих пор у нас в Совете Безопасности нет ни одного эколога и даже человека, близкого к экологии, нет. Интересы обороны, МВД, иностранных дел и т.п. представлены, а экологии - нет. Причем, когда мы говорим об экологии, мы должны думать не о чрезвычайных ситуациях, а об их предотвращении, о районах хронических болезней, о хронической загрязненности на территории нашей страны, о политике сохранения части ресурсов в нетронутом состоянии для будущих поколений. Это гигантский пласт проблем.

И вот что примечательно. Если помните, одновременно готовились две программы: «500 дней» и правительственная «рыжковская». Я беспартийный и член тогдашнего правительства Рыжкова. Правительство даже не запросило у меня предложений о том, что нужно в программе с точки зрения экологии. А программа «500 дней» все-таки содержала экологический раздел, хотя писали ее больше экономисты, чем экологи. Более того, когда эта программа попала в ЦК КПСС, мне позволили и попросили посмотреть и дополнить экологический раздел. Таким образом, я, будучи беспартийным, по просьбе коммунистической партии добавлял экологический раздел неправительственной программы. По счастью, должен сказать, что к документам, которые повезли на встречу «семерки», нас привлекли. Но это опять-таки экспортный вариант. Сейчас наш Комитет живет по временному положению. Мы, например, довольны, что нам сократили численность всего лишь на 15 процентов, оставили 382 человека на весь Советский Союз. Между тем министерство экологии Южной Кореи имеет 360 человек в аппарате. Американское агентство по охране окружающей среды насчитывает 10000 человек, в

Германии - 600 человек в аппарате, и еще все Земли имеют свою службу плюс огромная научная служба. Так что плохо все, нет понимания, нет достаточно культурного уровня. Когда на заседаниях Кабинета Министров было обсуждение конкретных вещей по экологии, то я был вполне удовлетворен уровнем понимания этих проблем. Во время кратковременных встреч с Горбачевым я тоже чувствовал полное понимание. Но я уже давно прошу, чтобы Президент приехал меня с длинным докладом, чтобы я мог с картами посидеть и рассказать. Того же просил и у Павлова. И Горбачев, и Павлов обещали принять, но, увы... Хотя сейчас и не принято хвалить Рыжкова, но год назад я попал к нему и у нас состоялась беседа на три с половиной часа. Я был у Ельцина. Он принял меня 9 июля, за день до своей инаугурации, и я почувствовал искреннюю заинтересованность в этом деле.

Вот мой американский коллега Раили имеет раз в неделю встречу с президентом Бушем. И раз в неделю полчаса докладывает об экологической ситуации в стране. Наверное, тут и моя вина, что недостаточно активен. Но очевидно и то, что у нас руководство больше думает о тактике, а не о стратегии. А экологические проблемы - это проблемы стратегии, а не только тактики.

Подготовил А. АРТАШЕВ